

ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОГО ПОДХОДА К ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация

В статье исследуются меры по реализации механизмов публичной дипломатии КНР в период пандемии COVID-19. Автор рассматривает китайский подход к концепции «мягкой силы», актуальные механизмы публичной дипломатии КНР и анализирует трансформацию мер по осуществлению публичной дипломатии в период пандемии. В данной статье определена роль публичной дипломатии в гуманитарной составляющей внешней политики КНР в период пандемии COVID-19 и выявлены ограничения в реализации механизмов публичной дипломатии. По результатам проделанной работы сделан вывод о том, какое влияние пандемия оказала на китайский подход к имплементации публичной дипломатии и оказалась ли успешной реализация данного механизма по преодолению внешнеполитического кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Ключевые слова: Китай, публичная дипломатия, пандемия, COVID-19, «мягкая сила», внешняя политика.

Автор

Александра Игоревна Кокорева

Бакалавр, выпускница факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте России (Новосибирск, Россия)

В конце 2019 года страны вступили на порог новой эпохи, где кризис, вызванный нетрадиционной угрозой вируса COVID-19, диктует новые правила реализации не только внутренней, но и внешней политики. Большинство стран мира продемонстрировали слабый ответ на глобальный вызов, а внешнеполитические курсы государств были вынуждены изменить свой вектор развития. В период кризиса взаимодействие с зарубежными сообществами обретает наибольшую актуальность и более острую необходимость, чем когда-либо, так как от таких факторов, как информирование, взаимная поддержка, оказание помощи и передача опыта, напрямую зависят успешное преодоление последствий вируса и прекращение распространения заболевания в мире. Лидеры стран

были вынуждены действовать в условиях нового непредвиденного кризиса, таким образом, механизм публичной дипломатии в рамках внешнеполитического взаимодействия становится все более актуальным.

Публичная дипломатия как оформленное теоретическое направление реализации внешней политики и дипломатии изначально появилась в США и ведет свою историю с середины XX в. В ее задачи входило представление позитивного образа государства вовне [1. — С. 2]. Новая публичная дипломатия основана на концепции «мягкой силы», понимаемой как формирование привлекательности в глазах зарубежных сообществ [1. — С. 16].

Фактор пандемии стал катализатором многих изменений во внешней политике и появления ряда тенденций,

таких как отход от глобальных институтов и обращение к двустороннему международному подходу. Более того, эти факторы обозначили переход публичной дипломатии в сторону здравоохранения и других ее смежных областей в ответ на глобальный кризис. Привычные механизмы публичной дипломатии сместили акцент на транслирование странами своего видения ситуации с COVID-19, реализацию гуманитарных мер и демонстрацию успеха борьбы с вирусом в качестве ресурсов «мягкой силы». В условиях глобального кризиса обозначился процесс трансформации механизма публичной дипломатии с целью реализации внешнеполитических вызовов, связанных с пандемией COVID-19. Это обуславливает актуализацию механизма публичной дипломатии, ее смежного направления «дипломатии здравоохранения» и новых, не существовавших ранее обозначений, таких как «коронавирусная дипломатия», «дипломатия масок» и «дипломатия вакцин», которые не имеют устоявшейся позиции в научном дискурсе.

В 2019 году мир столкнулся с вирусом COVID-19, который впервые был обнаружен в городе Ухань, Китай [2]. Несмотря на шаги по преодолению распространения вируса внутри страны, Китай подвергся серьезной критике за неправильное управление вспышкой. Данная критика обусловлена закрытостью информации, несвоевременной осведомленностью международного сообщества об опасности самого вируса и сокрытием информации, которая могла бы ограничить распространение заболевания и искоренить его на ранних стадиях. Эти обвинения достигли критической отметки, когда экс-президент США Д. Трамп открыто обвинил Китай в вспышке вируса.

Таким образом, пандемия COVID-19 выступила как угроза развитию экономики Китая, его репутации в глазах международного сообщества и подорвала стремление страны к статусу

сверхдержавы. Пандемия привлекла внимание мирового сообщества к наименее развитой инфраструктуре государства, а вирус рассматривался как возможный фактор дестабилизации китайского режима [3. — С. 248]. Кроме того, Китай — самый крупный экспортер товаров за рубеж, и вспышка оказала серьезное влияние на торгово-экономические отношения с партнерами КНР. Примечательно, что ситуация развернулась на фоне эскалации торговой войны с США и введения многочисленных санкций. Наконец, Китай почувствовал острую необходимость в ответе на резкую критику и растущие претензии зарубежных правительств и мировых СМИ.

Вышеупомянутые факторы подготовили почву для имплементации инструмента публичной дипломатии. Китай развернул крупномасштабную кампанию, направленную как на иностранные правительства и сообщества, так и на китайских граждан. Перед китайским правительством стояла задача продемонстрировать, насколько эффективно Китай справляется с подобными угрозами, и укрепить свои позиции международного лидера.

Исследователь Д. Рой характеризует действия Китая как переход «от защиты к нападению» и отмечает ряд факторов, которые способствовали данной стратегии [4]. В первую очередь, хотя США и Европа были заранее предупреждены о вспышке и в их распоряжении было достаточно времени на мобилизацию, их результаты борьбы с вирусом оказались значительно хуже. Так, власти КНР смогли противопоставить слабость Запада и силу Китая. Кроме того, пандемия открыла перед Китаем новые колоссальные возможности в области поставок медицинского оборудования. Следовательно, Китай предоставил глобальные общественные блага, когда развитый Запад во главе с США не смог этого сделать.

После возникновения вспышки перед Китаем стояла важная задача — защитить собственную позицию и продемонстрировать всему миру собственное видение ситуации с COVID-19. Данная стратегия заключалась в трансформации нарратива о COVID-19 по нескольким направлениям:

1. Демонстрация правильной реакции на COVID-19. Власти Китая опровергли все обвинения. Официальные лица утверждали, что информация о вирусе была передана своевременно. «Китайское правительство действовало открыто, прозрачно и с высоким чувством ответственности», — неоднократно заявлял представитель МИД КНР Г. Шуан [5].

2. Противодействие стигматизации. В марте 2020 года Д. Трамп назвал COVID-19 «китайским вирусом» [6]. Ассоциируя вирус непосредственно с КНР, Трамп и другие официальные лица США спровоцировали всплеск расизма и ксенофобии по отношению не только к китайцам по всему миру, но и другим гражданам азиатского происхождения.

3. Споры об источнике происхождения вируса. Благодаря США, Китай оказался в эпицентре критики мирового сообщества, что стало основной причиной необходимости восстановления имиджа. Одним из направлений стратегии Китая выступает информационная кампания, где источник COVID-19 не определен, хотя происхождение вируса никогда не оспаривалось. Агентство новостей Xinhua, Global Times, China Daily, People's Daily и China Global Television, а также другие местные СМИ опубликовали отчеты и статьи, в которых ставится под сомнение происхождение вируса в Китае и отмечается его возникновение в США [7; 8; 9; 10; 11].

Ряд мер публичной дипломатии был введен сразу после вспышки. К примеру, строительство временных больниц транслировалось в Интернете, что демонстрировало, насколько эффективно Китай способен справляться с подобными вызовами [12]. Отмечается,

что страна показала впечатляющую способность адаптации своих внешнеполитических инструментов в новых условиях. Китаю удалось внедрить меры публичной дипломатии, транслируя свою позицию через различные международные СМИ с учетом мнения иностранных аналитиков и организаций, которые разделяют позицию китайского правительства. Китайская дипломатия имела большое преимущество в виде доступа к относительно открытым западным СМИ с целью распространения нарратива Пекина. Китайские официальные лица за рубежом использовали многочисленные возможности для транслирования позиции своего правительства с помощью телеинтервью и публикаций передовых статей в иностранных газетах [4. — С. 3].

В марте 2020 года была инициирована масштабная кампания гуманитарной помощи Китая. Поддержка включала отправку товаров первой необходимости, СИЗ и медицинского персонала. По данным МИД КНР, помощь направляли по четырем основным каналам: межправительственная помощь, сотрудничество в области технологий здравоохранения, помощь на субнациональном уровне, предоставляемая местными органами власти, и неправительственная помощь со стороны китайских компаний и неправительственных организаций. Хуа Чунинг заявила о поставках защитных масок в 120 стран мира [13. — С. 9].

Отмечается, что многочисленные выражения благодарности и положительная реакция выступают в качестве источников китайской «мягкой силы». Здесь ярким примером выступает заявление президента Сербии А. Вучича: «Европейской солидарности не существует, и я верю только в помощь Китая» [14]. Примечательна поставка гуманитарной помощи в Италию на общем фоне бездействия и отсутствия поддержки со стороны Евросоюза. Именно Китай доставил 30 тонн меди-

каментов в Рим, что всерьез повлияло на потепление отношений между двумя странами. Отмечается, что реакцию министра иностранных дел Италии Л. Ди Майо можно рассматривать как «триумф публичной дипломатии Китая» [15]. Как указывается в отчете EEAS, позитивное восприятие Китая итальянскими гражданами выросло с 10% до 52% [16].

Тем не менее, несмотря на активные дипломатические усилия Китая в области публичной дипломатии, страна столкнулась с рядом ограничений, вызванными как внешними, так и внутренними факторами. Необходимо отметить непропорциональную реализацию стратегии «мягкой силы». Внешнеполитическая деятельность КНР базируется на комбинации как жестких рычагов давления, так и «мягкосиловых». Отсутствие правильных пропорций между «мягкой» и «жесткой» силами в случае КНР не привело к желаемым результатам. Китай получил одобрение благодаря быстрому и эффективному сдерживанию внутренней вспышки, а также благодарности за гуманитарную поддержку, но другие стратегические шаги помешали получить положительные результаты и существенно изменить видение Китая в глазах мировой общественности.

В первую очередь, это оказание давления на иностранные правительства. Жесткие методы Китая, такие как манипуляции мнением зарубежных сообществ и чрезмерное давление, свели на нет положительные результаты в рамках публичной дипломатии. Ранее отмечалось, что китайские официальные лица за рубежом использовали многочисленные возможности для транслирования позиции своего правительства с помощью зарубежных СМИ, но в большинстве случаев это осуществлялось под давлением китайской стороны. Как отмечает исследователь Д. Рой, общественность активно осуждала действия Китая и его давление в отношении ВОЗ с целью согласования

заявлений организации с внешнеполитической повесткой страны [17]. Отмечаются попытки оказания давления на Новую Зеландию, Германию и ЕС в целом [18; 19]. Другой элемент «жесткой силы» КНР во время пандемии — это экономическое принуждение, которое было отмечено в случае с Пакистаном, США, Австралией и т.д. Послы Китая в Индонезии и на Филиппинах открыто предупредили, что запрет на поездки в Китай во время пандемии может привести к экономическому возмездию [20; 21].

Примечателен сомнительный характер гуманитарной помощи. Хотя Китай получил в свой адрес много благодарности, реакция на эти пожертвования в ряде случаев характеризовалась разочарованием из-за неисправности оборудования [22].

Наконец, проблеме дезинформации было уделено особенно пристальное внимание в период пандемии. Отмечается, что Китай активизировал усилия по распространению дезинформации в Twitter, создав десятки тысяч фейковых аккаунтов, в которых обсуждались первоначальные меры Китая по борьбе с вирусом. В «Твиттере» заявили, что было обнаружено и удалено около 24 тыс. аккаунтов, которые «принимали активное участие» в скоординированных усилиях по распространению дезинформации [23].

Таким образом, КНР была развернута крупномасштабная стратегия, в основе которой лежала имплементация механизма публичной дипломатии, «мягкой силы» и гуманитарного сотрудничества. Китай приложил колоссальные дипломатические усилия для восстановления своего внешнеполитического имиджа, преодоления новых угроз и активизации сотрудничества в условиях пандемии. Тем не менее, столкнувшись с рядом ограничений, публичная дипломатия Китая не привела к желаемым результатам. По словам Р. Верма, несмотря на транслирование своей внешнеполитической повестки,

китайский нарратив не получил широкого распространения в большей части мира [3. — С. 250]. Исследователь отмечает, что в ключевых регионах оказать значительное влияние не удалось. К. Лекен и Э. Ван резюмируют: «Продолжающаяся кампания Китая по восстановлению своего международного имиджа при дискредитации ЕС

возобновила дебаты о самой природе публичной дипломатии КНР, и действия страны имели скорее негативные, чем положительные последствия» [18]. Следовательно, меры публичной дипломатии КНР во время пандемии способствовали снижению глобального престижа Китая на международной арене.

Литература

1. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 272.
2. Rolling updates on coronavirus disease [Электронный ресурс] // World Health Organization. — URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/events-as-they-happen> (дата обращения: 01.04.2021).
3. Verma R. China's diplomacy and changing the COVID-19 narrative / R. Verma // International Journal: Global Policy Analysis. — 2020. — № 75 (2). — P. 248–258.
4. Roy D. China's Pandemic Diplomacy / D. Roy // Asia Pacific Issues. — 2020. — № 1 (144). — P. 1–8.
5. Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on January 23, 2020 [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1759985.shtml (дата обращения: 15.12.2021).
6. Donald Trump's 'Chinese virus': the politics of naming in pandemic [Электронный ресурс] // The Conversation. — URL: <https://theconversation.com/donald-trumps-chinese-virus-the-politics-of-naming-136796> (дата обращения: 15.12.2021).
7. Studies find COVID-19 infections worldwide earlier than previously identified [Электронный ресурс] // Xinhuanet. — URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-12/02/c_139558688.htm (дата обращения: 15.12.2021).
8. COVID-19 likely in US before Wuhan [Электронный ресурс] // Global Times. — URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1208776.shtml> (дата обращения: 15.12.2021).
9. Blaming China will not solve the problems of the US [Электронный ресурс] // China Daily. — URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202008/17/WS5f39bf24a3108348172609ef.html> (дата обращения: 15.12.2021).
10. US army might have brought epidemic to China [Электронный ресурс] // People's Daily. — URL: <http://en.people.cn/n3/2020/0313/c90000-9668143.html> (дата обращения: 15.12.2021).
11. Chinese official: World needs to know when coronavirus started in U.S. [Электронный ресурс] // CGTN. — URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-04-29/Chinese-official-World-needs-to-know-when-coronavirus-started-in-U-SQ5icZe5DeE/index.html> (дата обращения: 15.12.2021).
12. Live from Wuhan: millions tune in to watch China build coronavirus hospitals [Электронный ресурс] // South China Morning Post. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/3047943/live-wuhan-millions-tune-watch-china-build-coronavirus-hospitals> (дата обращения: 15.12.2021).
13. Kobierecka A. Coronavirus diplomacy: Chinese medical assistance and its diplomatic implications / A. Kobierecka, M. Kobierecki // International Politics. — 2021. — № 58 (3). — P. 1–18.
14. Serbian President: "The only country that can help us is China" [Электронный ресурс] // Twitter. — URL: <https://twitter.com/RushDoshi/status/123964506> (дата обращения: 15.12.2021).
15. Chinese Doctors and Supplies Arrive in Italy [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. — URL: https://www.wsj.com/articles/chinese-doctors-and-supplies-arrive-in-italy11584564673?mod=article_inline (дата обращения: 15.12.2021).

16. EEAS Special report: Narratives and disinformation around the covid-19 [Электронный ресурс] // Europe versus disinformation. — URL: <https://euvsdisinfo.eu/eeas-special-report-update-2-22-april/> (дата обращения: 15.12.2021).
17. Senior WHO adviser dodges question on Taiwan [Электронный ресурс] // The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/30/senior-who-adviser-appears-to-dodge-question-on-taiwans-covid-19-response> (дата обращения: 15.12.2021).
18. The Cost of Europe Bowing to China's Disinformation and Pressure [Электронный ресурс] // Carnegie Europe. — URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/81663> (дата обращения: 15.12.2021).
19. Pressured by China, E.U. Softens Report on Covid-19 Disinformation [Электронный ресурс] // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/24/world/europe/disinformation-china-eu-coronavirus.html> (дата обращения: 17.12.2021).
20. Pakistan Resumes Flights with China [Электронный ресурс] // Foreign Policy. — URL: <https://foreignpolicy.com/2020/02/04/pakistan-flights-china-wuhan-coronavirus-imran-khan-diplomacy-belt-road/> (дата обращения: 15.12.2021).
21. China punishes Australia for promoting an inquiry into Covid-19 [Электронный ресурс] // The Economist. — URL: <https://www.economist.com/asia/2020/05/21/china-punishes-australia-for-promoting-an-inquiry-into-covid-19> (дата обращения: 15.12.2021).
22. China Delays Mask Exports After Quality Complaints [Электронный ресурс] // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/11/business/china-mask-exports-coronavirus.html> (дата обращения: 15.12.2021).
23. Twitter Removes Chinese Disinformation Campaign [Электронный ресурс] // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/11/technology/twitter-chinese-misinformation.html> (дата обращения: 17.12.2021).